

ОБЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ТИХООКЕАНСКОГО СЕВЕРА

*Работа представлена кафедрой палеоазиатских языков и методики их преподавания
РГПУ им. А. И. Герцена.*

Многие десятилетия отечественные и зарубежные исследователи пытаются объяснить, каким образом у народов Тихоокеанского Севера, расселенных вдали друг от друга, порой разделенных морями и океаном, распространились общие явления культуры, представляющие интерес и как ценное культурное наследие. С древнейших времен по всей береговой полосе Тихого океана на Азиатском и Американском материках обитали люди, создавая свою оригинальную культуру, приспособленную к данной природно-климатической среде. Важно выяснить, как своеобразный мир Тихоокеанского Севера с его обитателями отражен в духовной культуре жителей прибрежных районов, в том числе в искусстве, мировоззрении, фольклоре.

Ключевые слова: *Тихоокеанский Север, традиционная приморская культура, культурная адаптация, культура Азиатского и Американского материка.*

Ch. Taksami

COMMON ELEMENTS IN THE NORTH PACIFIC CULTURES

During many decades Russian and foreign scholars are trying to find an explanation for the common culture elements, which one can find among the peoples across the ocean. These elements are valuable culture heritage. Since the ancient times people were living on the Pacific coasts of the Asian and American continents. They created an original culture, adapted to the certain nature-climate environment. It is necessary to find how the specific Pacific world is reflected in traditional art, worldview and folklore.

Key words: *North Pacific, traditional sea culture, cultural adaptation, Asian and American culture.*

Культурное наследие народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – подлинная сокровищница до сих пор малоизвестная мировому сообществу. Она представлена грандиозными эпическими полотнами, философски глубокой мифологией, редкими и исчезающими языками с изысканной поэтической образностью; колоритными обрядами и этнографическими церемониями, красивейшими образцами декоративно-прикладного искусства и народного творчества.

Многие десятилетия отечественные и зарубежные исследователи пытаются объяснить, каким образом у народов Тихоокеанского Севера, расселенных вдали друг от друга, порой разделенных морями и океаном, распространились общие явления культуры, представляющие интерес и как ценное культурное наследие.

Тихий океан окаймлен в северной части Азиатским и Американским материками. С древнейших времен по всей их береговой полосе обитали люди, создавая свою оригинальную культуру, приспособленную к данной природно-климатической среде. Важно выяснить, как своеобразный мир Тихоокеанского Севера с его обитателями отражен в духовной культуре жителей прибрежных районов, в том числе в искусстве, мировоззрении, фольклоре. Эта проблема заинтересовала меня более 40 лет назад. С тех пор во время многочисленных экспедиций в Приамурье, на Сахалин, Камчатку и Чукотку, на Охотское побережье, Хоккайдо и Курильские острова я обращался именно к ней.

Большинство ученых-археологов, этнографов и лингвистов считают, что на Тихо-

океанском Севере еще 6–5 тыс. лет назад существовала сложная и высокоразвитая культура оседлых рыболовов, морских зверобоев, охотников и собирателей [7; 5; 2; 3]. По морскому побережью в устьях рек размещались поселки, люди жили нередко в больших зимних домах. Как правило, оседлые жители имели зимнее и летнее селения. Зимнее располагалось на более возвышенном месте, в лесной местности, а летнее – на берегу реки или моря вблизи промысловых мест. Такая система жилых строений зафиксирована еще в XIX – начале XX в. на всем побережье Тихоокеанского Севера. В этом регионе широко были распространены свайные постройки – летние жилые и хозяйственные.

Нивхские полуземлянки с четырьмя опорными столбами, поддерживавшими верхнюю часть жилища, на которые были нанесены изображения духов в виде стилизованных глаз, носа и рта, были широко известны под названием *то-рыф*. У других народов Приамурья подобные строения не сохранились, но опорные столбы в каркасных жилищах продолжают называть *то-ро*. Мне посчастливилось видеть уже полуразрушенные полуземлянки оседлых прибрежных коряков Камчатки, в чукотских и эскимосских стойбищах на Беринговом побережье.

Конструкции коряжских и нивхских зимних полуземлянок во многом схожи и дают повод для глубоких размышлений о древних их истоках. Коряки в заброшенном стойбище в Пенжинской губе на Северной Камчатке соблюдали ритуал «кормления» четырех опорных столбов как главных хранителей жилища.

Раньше мы просто описывали большие наземные каркасные жилища коренных оседлых народов нижнего Амура и не замечали их общественной функции. На это обстоятельство я обратил внимание при посещении индейцев о. Ванкувер на западном побережье Канады и в пров. Виннипег.

Индейцы Канады позволили осмотреть общинный дом и ознакомиться с ним только мне. Вождь индейского племени – женщина рассказала о ритуальных обрядах, которые

проводят в этих больших общественных домах, о размещении членов племени во время церемониальных торжеств, об очагах в доме. Я увидел, как индейцы, с которыми познакомился в Канаде, относятся к этому большому дому и берегут его как место проведения священных обрядов. Ритуальный обряд продолжается довольно долго – около месяца, во время которого все члены племени данной местности живут, соблюдая все сложные церемонии. В огромном доме в эти дни поселялись десятки семей, включая стариков и детей.

На о. Ванкувер общинный дом находился на окраине селения и был построен из добротных бревен. Он был большой, без окон, без чердачных перекрытий, с земляным полом. Каждая семейная община занимала в нем определенное место со своим очагом. Каждый его член выполнял свои обязанности. Вместе с тем, находясь длительное время в таком доме, молодые люди проходили школу спартанского воспитания, физического и морального испытания.

По окончании ритуальных церемоний все возвращались в свои коттеджи, где жили постоянно. Большой дом индейцев произвел на меня сильное впечатление как размером, так и сложностью обрядов. Подобные большие дома я встречал и в других местах расселения индейцев. Такие дома сейчас используют большей частью для регулярных общественно-культурных мероприятий, в том числе и для учебной практики школьников по традиционным обрядам и национальной этике.

На о. Хоккайдо в г. Сирой находится национальный музей айнов. Среди комплекса строений есть общественный дом айнов, в котором совершались большие ритуальные церемонии, в частности обряды, связанные с медвежьим праздником. В марте 1994 г. в этом доме я принимал участие в медвежьем празднике. В течение трех дней я наблюдал за тем, как пожилые люди вырезали из дерева стружки *инау*, деревянных идолов и другие ритуальные предметы. Женщины готовили национальные блюда айнов. Здесь важно отметить, что в подготовительной работе активно участвовали молодые люди – как айны, так и японцы.

Через несколько дней в этом общественном здании происходила церемония проводов души медведя в тайгу после его умерщвления. Тогда я в полной мере осознал назначение больших ритуальных домов, в которых свободно помещалось несколько десятков участников праздника. Все дни люди жили здесь, изготавливали стружки и ритуальные предметы из дерева, в том числе идолов, готовили сакральную еду, крепкий рисовый алкогольный напиток (*sake*). Круглосуточно горел очаг посреди дома, а над ним вялилось несколько десятков кетовых туш.

Во время медвежьего праздника айны совершали многочисленные обряды «общения» с хозяином огня – медведем, при этом угощались ритуальной едой и прикасались к *sake*, вели активные беседы и пели песни, устраивали массовые пляски. Но особенно торжественная ритуальная церемония проходила вечером и ночью в день отправления медведя в лес к его сородичам. В нее включалось много людей (как мужчин, так и женщин), каждый из которых обязательно находил себе дело. Грандиозным и очень красочным было зрелище подготовки к выносу черепа медведя, обернутого в стружки *инау*, – чучело в одежде айны, через заднее окно на улицу. Этот обряд сопровождался общим пением и коллективным танцем. Так айны прощались с медведем. После выноса из дома черепа медведя люди приступали к большой трапезе и веселились до утра.

Большой общинный дом айнов, поразивший меня своими размерами, я видел и в г. Акан. Опорные столбы и поперечные балки из многолетних массивных деревьев создают основу каркаса, который покрыт со всех сторон плотными снопами травы. Такой большой дом имела каждая айнская община в своем селении.

Знакомство с большими общинными домами индейцев Канады и айнов Хоккайдо позволило мне мысленно вернуться к каркасному жилищу нивхов Амура, обратить внимание на его конструкцию и общественную функцию. В литературе довольно хорошо и подробно описаны селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного

побережья Сахалина [14; 12]. Здесь лишь отмечу, что конструкции нивхских каркасных жилищ схожи с индейскими и айнскими общинными домами. Все они используются для отправления массовых ритуальных обрядов. Я обратил внимание еще на один момент – на архитектурное украшение этих домов. Например, у наземных каркасных жилищ народов нижнего Амура надфронтонные доски имеют резные украшения. Резным орнаментом оформлены столбы зимних жилищ, а также фронтонная часть летников. В прошлом, видимо, все жилые сооружения были покрыты богатой резьбой, скульптурными фигурами и орнаментом, состоящим из спиралей и спирально-ленточных деталей. Подобным образом в прошлом украшали свои большие жилища и североамериканские индейцы. Образцы такой резьбы я видел в музеях Канады.

В наши дни айны, занимающиеся торговым предпринимательством, украшают свои дома, служащие одновременно и магазином, резным орнаментом и скульптурными фигурами. Может быть, это отголоски того далекого прошлого, когда предки современных айнов поступали подобным образом.

У народов Тихоокеанского Севера много общего в традиционных представлениях о морском просторе и его жителях. Море, по представлениям айнов, – огромный живой мир со своими обитателями, подобный миру людей. Там жили такие же существа, как и на земле, которые постоянно контактировали с людьми и даже находились с ними в родственных связях. Например, у нивхов немало вариантов описания подводного мира. В этом я убедился, собирая полевые этнографические материалы у населения Сахалина и Амурского лимана. Наиболее распространенным является следующее описание обитателей подводного мира: в море живут седовласые «старички и старухи» со своими детьми в большом доме. В их распоряжении несметное количество стай рыб и морских зверей, которых они посылают людям по просьбе последних.

Многочисленные фольклорные материалы, отражающие мировоззрение корен-

ных прибрежных жителей Тихоокеанского Севера, описывают быт морских жителей.

Например, во многих текстах фольклора повествуется о том, что на морском дне обитатели живут в большом доме, спят на нарах, у них есть шаман [15, с. 29–131]. Подобные описания можно встретить в мифах почти всех народов Тихоокеанского Севера, в том числе айнов, алеутов, оседлых коряков, ительменов и др. [15, с. 202–203].

У нивхов, айнов и эскимосов был развит культ морской касатки. Во многом это обусловлено тем, что сильных морских касаток они считали властелинами моря, хозяевами воды, которые могли дарить людям мясо морских зверей, посылая им во время охоты стадо тюленей и нерп. Но в то же время эти народы считают, что среди морских касаток есть дети их сородичей, родившиеся от смешанных браков. Это обстоятельство, естественно, усиливает культ этих гигантов, делает их в глазах прибрежных жителей священными животными.

Среди морских касаток, как мною было выяснено во время экспедиции, местные жители выделяли айнскую касатку-хозяина, нивхского хозяина и орокского хозяина. Айнская касатка больше по размеру, у нее длинный плавник; нивхская – черного цвета, спинной плавник у нее меньше [13, с. 104].

Китов и тюленей, загнанных к берегу хищными касатками, морские охотники считали даром главного морского хозяина, которого нивхи называют *тол ыз* 'хозяин воды', айны – *чогу-эку* 'друг, снабжающий пищей'. Поэтому морской касатке молились и приносили жертву на берегу и в море. Думаю, что не случайно ритуальные палочки (*икуниси*) айнов и пиктографические надписи на береговых плитах, которые были обнаружены на земле айнов – на о. Итуруп, по мнению айнских охотников, должны были обеспечить помощь главных духов – хозяев моря в морском промысле. По представлениям эскимосов, нивхов, айнов и других, морские касатки могли воскреснуть и вновь превратиться в огромных животных [15, с. 231, 409–410]. Поэтому их кости складывали на берегу и устраивали своеобразный пантеон [11].

У приморских жителей много общего в объяснении, почему камбала стала плоской, отчего у нерпы шкура пятнистая и др. [10, с. 8] У нивхов и эскимосов распространена сказка о соревновании наперегонки краба и лисички.

Люди земли и обитатели морского пространства всегда поддерживали тесные контакты и путем взаимного угощения. Люди посылали хозяевам воды, моря символические подарки, устраивая угощение во время путешествия по реке, морю перед промыслами. Как правило, все прибрежные жители бросали в воду табак и часть своего запаса пищи, произнося просьбы помочь благополучно путешествовать и позволить хорошо поохотиться. Вплоть до 30-х гг. XX в. народы Дальнего Востока устраивали праздники «кормления воды» весной сразу же после вскрытия водоемов ото льда и после становления льда на реках и в море глубокой осенью [11, с. 69].

Лодки украшали орнаментикой, в том числе носовую и кормовую части. Еще в XIX в. было замечено, что на выступающей носовой части нивхских лодок устанавливали деревянную скульптуру птицы, по моему, чаще водоплавающей птицы-гагары. Л. И. Шренк, увидев такие фигуры на нивхских лодках, писал, что «выдвигающийся у носа конец лодки, которая образует дно, имеет вид змеиной, птичьей и звериной головы» [14, с. 191]. Мы согласны с замечанием С. В. Иванова о том, что Л. И. Шренк стилизованные изображения птичьих голов принял за змеиные [5].

Жертвенную посуду для кормления морских жителей имели оседлые коряки и эскимосы, но ее они берегли только для ритуальных обрядов. Эскимосы широко использовали костяные сосуды для приношения жертв морю, выполненные, как правило, из клыка морских животных. Сам сосуд как бы воспроизводит туловище морского животного, а рукоятка – его голову. По мнению археологов и этнографов, специалистов по культуре Северо-Востока Азии, эти костяные сосуды на протяжении более двух тысяч лет сохраняют устойчивую форму. Ранние древнеберингоморские сосуды такого типа по-

крыты сложным криволинейным орнаментом и украшены зооморфным декором. Ученые считают, что ритуальные жертвенные сосуды эскимосов имеют поразительное сходство с жертвенными блюдами и чашами нивхов, выполненными из дерева [1, с. 83–98]. Это обстоятельство объясняется тем, что жизнь этих народов с древнейших времен связана с морским побережьем и у них возник своеобразный морской зверобойно-рыболовецкий тип хозяйства еще до широкого распространения здесь тунгусо-маньчжурских и чукотско-корякских племен [1, с. 83]. Возможно, что именно в этот период здесь сформировались многие общие явления в материальной и духовной культуре, орудия зверобойного промысла, в том числе гарпунный комплекс с поворотным наконечником гарпуна.

Я думаю, что в дотунгусский период существования приморских жителей у них получило развитие и своеобразное искусство под влиянием окружающей природной среды, которое отразилось в художественных традициях, в традиционном мировоззрении, в устном народном творчестве – в мифологии, сказках и преданиях. Многолетние исследования художественной традиции С. В. Иванова позволили сделать, на мой взгляд, важный вывод о том, что дотунгусские явления культуры аборигенного населения Амурского бассейна оказались более стойкими и дошли до XX в. как наследие также у нанайцев, ульчей, негидальцев и удэгейцев [4, с. 246].

Например, ученые доказали вероятность местного происхождения спирально-ленточного орнамента, в котором отсутствуют какие-либо зооморфные изображения, если не считать изредка встречающихся среди спиралей и лент мелких фигур птиц, рыб и пресмыкающихся. «Но эти фигурки, – как пишет С. В. Иванов, – непосредственно не связаны с орнаментом, они представляют собой дополнительный декоративный материал и не принимают участия в образовании самих лент и спиралей» [4, с. 246].

А. П. Окладников склонен рассматривать криволинейно-ленточный орнамент, обнаруженный в Приамурье и датируемый 3–2-м тысячелетиями до н. э., в качестве прямого на-

следника неолитической художественной культуры аборигенных племен [7]. При этом многие исследователи обоснованно видят в нивхах прямых потомков того неолитического населения, в культуре которого сохранились древние элементы, в частности в стилизациях жертвенных корыт и в способах их украшения. Эта культура имела резкое отличие от культуры таежных кочевых племен еще в неолитическое время [8, с. 240–247]. В более поздний исторический период, естественно, в составе культуры аборигенов Приамурья уже наблюдается взаимовлияние пришлых и аборигенных культур.

Естественно, имели место культурные связи неолитического населения Приамурья с южными регионами. В настоящее время еще нельзя назвать родственные нивхам автохтонные племена на огромной части Тихоокеанского Севера.

Для меня весьма значительной представляется проблема связи автохтонных племен Приамурья с северо-восточными и североамериканскими аборигенами. На основании обзора орнаментального творчества народов Крайнего Северо-Востока Азии и алеутов С. В. Иванов показал, что в их искусстве обнаруживается много общих черт. Но вместе с тем декоративное искусство каждого из народов этого региона обладает своими особенностями [4, с. 242]. Здесь наряду с местными встречаются культурные явления, которые широко распространены у многих народов всей Восточной Азии вдоль побережья Тихоокеанского Севера. Они обнаружены в орнаментальной технике [4, с. 244–245], в мотивах орнамента (растительных, криволинейно-глазчатых). Видимо, эти общие элементы существуют благодаря наличию древнего культурного пласта, истоки которого находятся в глубокой древности. Именно в культуре прибрежных жителей – морских зверобоев и рыболовов – сохранились общие явления в духовной жизни, сформировавшиеся благодаря приморской экологической среде.

На рубеже двух тысячелетий в человеческом сообществе появился новый взгляд на место и роль Арктики и Севера в мировых процессах. Сегодня северные народы осоз-

нанно возрождают свою культуру и предлагают различные способы ее сохранения. Для содействия этому процессу создан ряд культурных центров в местах компактного расселения народов Севера. Надежда на возрождение этнических культур есть. Рождается новая

концепция развития арктических и субарктических территорий, диктуемая их уникальным природно-экологическим и стратегическим положением. Она предусматривает совершенно иное отношение к глубоко самобытной культуре северных народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., Таксами Ч. М. Этнокультурные связи коренных народов прибрежной Северо-Восточной Азии // Этническая история народов Азии. М., 1972.
2. Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973.
3. Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки: 15 тысяч лет истории. Магадан, 1969.
4. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как историко-этнографический источник. М.; Л., 1963.
5. Иванов С. В. Орнаментика, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой // Сов. этнография. 1935. № 4–5.
6. Кнорозов Ю. В., Соболева Е. С., Таксами Ч. М. Пиктографические надписи айнов // Древние системы письма: Этническая семантика. М., 1986.
7. Окладников А. П. Петроглифы нижнего Амура. Л., 1971.
8. Окладников А. П. У истоков культуры народов Дальнего Востока // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М., 1954.
9. Сергеева К. Сказочник Кивагме. Магадан, 1968. С. 62, 149.
10. Таксами Ч. М. Верный Ургун. Хабаровск, 1981.
11. Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975.
12. Таксами Ч. М. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья Сахалина // Сиб. этногр. сб. М.; Л., 1961. Т. 3.
13. Таксами Ч. М. Система культов у нивхов: Памятники культуры народов Сибири и Севера // Сб. МАЭ. Л., 1977. Т. 23.
14. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1898. Т. 2.
15. Эскимосские сказки и мифы. М., 1988.

SPISOK LITERATURY

1. Arutyunov S. A., Sergeyev D. A., Taksami Ch. M. Etnokul'turnye svyazi korenykh narodov pri-brezhnoy Severo-Vostochnoy Azii // Etnicheskaya istoriya narodov Azii. M., 1972.
2. Vasil'evskiy R. S. Drevniye kul'tury Tikhookeanskogo Severa. Novosibirsk, 1973.
3. Dikov N. N. Drevniye kostry Kamchatki i Chukotki: 15 tysyach let istorii. Magadan, 1969.
4. Ivanov S. V. Ornament narodov Sibiri kak istoriko-etnograficheskiy istochnik. M.; L., 1963.
5. Ivanov S. V. Ornamentika, religioznyye predstavleniya i obryady, svyazannye s amurskoy lodkoy // Sov. etnografiya. 1935. N 4–5.
6. Knorozov Yu. V., Soboleva E. S., Taksami Ch. M. Piktograficheskiye nadpisi aynov // Drevniye sistemy pis'ma: Etnicheskaya semantika. M., 1986.
7. Okladnikov A. P. Petroglify nizhnego Amura. L., 1971.
8. Okladnikov A. P. U istokov kul'tury narodov Dal'nego Vostoka // Po sledam drevnikh kul'tur: Ot Volgi do Tikhogo okeana. M., 1954.
9. Sergeeva K. Skazochnik Kivagme. Magadan, 1968. S. 62, 149.
10. Taksami Ch. M. Verny Urgan. Khabarovsk, 1981.
11. Taksami Ch. M. Osnovnyye problemy etnografii i istorii nivkhov. L., 1975.
12. Taksami Ch. M. Seleniya, zhilye i khozyaystvennyye postroyki nivkhov Amura i zapadnogo po-berezh'ya Sakhalina // Sib. etnogr. sb. M.; L., 1961. T. 3.
13. Taksami Ch. M. Sistema kul'tov u nivkhov: Pamyatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa // Sb. MAE. L., 1977. T. 23.
14. Shrenk L. I. Ob inorodtsakh Amurskogo kraya. SPb., 1898. T. 2.
15. Eskimoskiye skazki i mify. M., 1988.